

Евгений Кузьмин: «Самое острое переживание для меня – это Россия»

Больше 5 часов мы беседовали и не могли наговориться с **Евгением Ивановичем Кузьминым**, президентом Межрегионального центра библиотечного сотрудничества, зам. председателя Межправительственного совета и председателем Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». А как могло быть иначе? Я всегда знала, что это личность талантливая и многогранная, с богатым духовным миром и глубокими познаниями в литературе, музыке, живописи, науках. И на этот раз мне все больше и с новых сторон открывался этот неравнодушный человек, болеющий за Россию, за библиотеки и библиотечное дело, имеющий четкую гражданскую позицию. В 90-е годы, когда в стране многое разваливалось, разрушалась книжная торговля и закрывались книжные магазины, Евгению Кузьмину удалось сохранить библиотеки как систему и поставить их на рельсы модернизации. И сегодня, когда перспективы развития библиотек вновь туманны, он убежден в необходимости разработки новой Стратегии библиотечного дела.

Абсолютно счастливое детство

– Светлана Зорина: *«Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит...» Евгений Иванович, что особенно повлияло на формирование Вашего внутреннего мира, характера? Какие самые яркие воспоминания детства?*

– Евгений Кузьмин: Сегодня могу уверенно сказать, что это было абсолютно счастливое детство в благополучной, спокойной, нацеленной на большие свершения стране. Я родился после сталинских репрессий, в моей родне от них, к счастью, никто не пострадал. Мой дед по отцовской линии был из бедных крестьян, способный и невероятно энергичный. Спасаясь от голода, он в 1925 году из нищей тульской деревни пешком пришел в подмосковный Ногинск, закончил техникум, потом рабфак и к своим 30 годам уже был начальником треста по строительству электростанций. До 50 лет он строил ГРЭС по всей стране, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Первые 10 лет своей жизни я прожил в двухкомнатной квартире, которую ему выделило Министерство энергетики СССР в поселке Болшево под Москвой на берегу Клязьмы – вместе с родителями, бабушкой, дедушкой и тремя взрослыми папиными братьями. Дом был 12-квартирный, в нем не было поначалу ни центрального отопления, ни газа, ни водопровода. На второй этаж воду заношили со двора, топили печку, готовили на керосинках.

В отличие от меня мои родители (папа – инженер, мама – врач) в эти годы жили очень тяжелой жизнью, работали от зари до зари, а ведь и до этого им пришлось пройти через войну, голод, холод, послевоенную разруху. Присматривала за мной бабушка.

Дом наш был окружен высоким деревянным забором, и в нашем абсолютно безопасном дворе, утопавшем в цветниках и фруктовых деревьях, с беседками и гамаками, было

много детворы. Играли все вместе, младшие набирались ума и умений у старших. Все жили очень скромно, но я никогда не слышал разговоров о деньгах. А вот духовные запросы были очень высокие и у взрослых, и у детей, хотя, конечно, у всех на своем уровне. На экранах пропагандировались физики и лирики, люди стремились получить серьезное образование, приобщиться к высокому. Вокруг все читали, играли в шахматы, ходили в кино. Папа собирал классическую советскую библиотеку. Мы с родителями часто ходили в театр, в филармонию, дважды в месяц ездили по литературным и историческим местам.

Дети довольно рано начинали читать, обсуждали прочитанные книги, передачи на телевидении. Мы соревновались, кто больше знает наизусть стихов, кто лучше напишет сочинение по картине из Третьяковки, куда нас каждую неделю таскала замечательная учительница литературы. Воспитывались на пионерах-героях и героях-комсомольцах. Взрослые несли в себе пример подвижничества. Так, моя мама, выдающийся хирург-офтальмолог, добровольно выезжала в райцентры Московской области делать сложнейшие операции, по 10–12 часов стояла за операционным столом. Вообще мама никогда меня ничего не заставляла делать, но постоянно собственным примером показывала: нужно не просто учиться, а стремиться абсолютно все делать так хорошо, как только можно. Сама она была максималисткой и отличницей всегда и во всем.

Человеческое общение, взаимовыручка, солидарность, необходимость настоящего образования, стремление к высокой культуре, идеалы служения Родине, добросовестный труд окружающих – вот что формировало характер.

Примерно такой была для меня советская власть, про которую молодежь сейчас думает как о сплошном ужасе с отсутствием свободы, тотальным дефицитом, сталинскими репрессиями и так далее. Для меня время моего детства – в чисто советском духе – было прекрасным и удивительным.

В старших классах я учился в знаменитой московской 57-й математической школе, и это многое во мне определило: там не только давали знания, но и учили думать, анализировать, докапываться до сути.

В начале 70-х началась моя прекрасная, но уже абсолютно другая, антисоветская юность, и я рос уже не только на официально разрешенной литературе, а в основном на самиздате и тамиздате, которых почему-то (до сих пор не могу понять почему) вокруг нас были тонны.

– **С. З.: Почему Вы выбрали Московский институт электронного машиностроения?**

– **Е. К.:** В 57-й школе считалось, что приличным людям надо поступать только в МГУ или в Физтех, в крайнем случае в МИФИ. Я поступал на мехмат МГУ, но по стечению обстоятельств не прошел. Теперь понимаю, что это было к лучшему, поскольку я, по сути, все-таки не математик. Однако учеба в 57-й школе развила во мне многие качества, присущие математику.

В результате я сдал на пятерки все вступительные экзамены в МИЭМ, тоже трудный, а тогда еще и модный престижный вуз. Но все-таки это был не МГУ и не Физтех. После 57-й школы МИЭМ был для меня легкой прогулкой. Во время учебы я регулярно ходил в кино, театры, музеи, был членом разных самодеятельных кружков. Мы собирались у кого-нибудь на квартире, обсуждали Чаадаева, Киреевского, Бердяева, Павла Флоренского и других русских мыслителей. В 18 лет я прочитал «Архипелаг ГУЛАГ» на фотографиях. Высота шрифта была полмиллиметра, дали на две ночи, и потом в глазах долго стояла сетка из строчек, но ведь тяга ко всему запретному, к антисоветской литературе была невероятная! Сейчас понятно, что мы были снобами, изображали из себя диссидентов, считали себя очень умными, хотя ничегошеньки не понимали ни про социализм (над ним мы смеялись), ни про капитализм (им восхищались), ни про западную демократию (на нее молились), ни про свободный рынок (на него уповали). Воспитывали нас в детстве в любви к Родине, а в результате, повзрослев, мы ее развалили. Когда мои сверстники ругают Путина, я всем говорю: «Друзья, опомнитесь! Это ведь мы сами всё так сделали. Раньше надо было думать!»

А тогда будущие математики, физики, химики (гуманитариев среди нас не было), все молодые ребята, встречаясь, друг другу читали стихи, боготворили Цветаеву, Ахматову, Пастернака, Мандельштама, пытались сами писать.

А театры? Записывались ночью, толкались в очередях (очереди были тоже школой жизни и интеллектуальными клубами), ждали три дня и в результате покупали-таки билеты на вожделенную Таганку, восхищались их «жутко антисоветскими» спектаклями, в которых они показывали советской власти фигу в кармане.

А какие были декады французского и немецкого кино! А какие были кинофестивали, конкурсы Чайковского!

Эта атмосфера завораживающей свободы, наполненная высокой культурой и действительно духовным интеллекту-

альным общением, была тотальной. И в детстве, и в юности, и потом, когда я уже начал работать. Вся несвобода сводилась к тому, что за границу мы не ездили и на Красной площади не осмеливались ораторствовать: «Долой Брежнев!»

– **С. З.: Какие у Вас были любимые театры, спектакли?**

– **Е. К.:** Духовные поиски молодежи того времени вели в театр на Таганке, «Современник», в Вахтанговский, на Малую Бронную. Ну, конечно, еще и в Большой, Консерваторию. Сама жизнь убедительно доказала, что при советской власти один за другим рождались шедевры. Было великое искусство, и, как сказала Людмила Гурченко, «на смену ему не пришло ничего». Проходит время, и ты понимаешь, что, например, в нашем кино нет ничего более значительного, чем «Гамлет» и «Король Лир» Козинцева, чем «Летят журавли» Калатозова, «Бег» Алова и Наумова, «Война и мир» Бондарчука. Великие режиссеры, великие актеры, великие операторы. Удивительное было время, время душевных потрясений именно от искусства.

Путь в профессии, или Обыкновенное чудо

– **С. З.: Евгений Иванович, а как складывалась Ваша профессиональная карьера? С 1984 по 1992 год Вы работали обозревателем «Литературной газеты»...**

– **Е. К.:** С красным дипломом закончив МИЭМ, я сначала шесть лет проработал в Институте металлургии Академии наук СССР рядом с замечательными физиками, а параллельно заочно учился в Литературном институте. В конце 4-го курса меня, мало что умевшего в журналистике, взяла в «Литературную газету» легендарная Ирина Ришина – что-то такое она во мне увидела. С ее стороны это была, конечно, авантюра. Я бы тогда на ее месте на такое ни за что бы не пошел. Но потом, когда сам стал начальником, почти всегда поступал именно так.

– **С. З.: Это был очень активный период. Что Вы писали, на какие темы?**

– **Е. К.:** Как я уже сказал, я был во многом воспитан на антисоветской самиздатовской и тамиздатовской литературе и находился в квазидиссидентской среде, где всё не очень советское определяли как антисоветское. А когда я попал в «Литературку», то был сразу подавлен обилием «советских» текстов, которые предстояло писать. Газета-то ведь была советская, хоть и смелая, и первые полгода я буквально изводил себя, что надо оттуда быстрее делать ноги. К огромному счастью, Господь Бог дал мне какое-то время перетерпеть, и тут начались перестройка и гласность, и как-то постепенно я стал втягиваться и даже влюбляться и в журналистскую работу, и в саму «Литературную газету», и особенно в тех, кто в ней работал, – в потрясающих журналистов, моих наставников. К концу 1986 года, когда стали заметны мои первые успехи, я понял, что влюбился в эту газету и эту работу окончательно и бесповоротно.

– **С. З.: Какие запомнились самые яркие встречи, интервью?**

– **Е. К.:** Да неярких встреч, пожалуй, и не было. Я работал в литературных отделах: беседы с крупными писателями (а тогда писатель был трибун, учитель жизни), освещение культурных событий, поездки по стране – Дальний Восток, Кольский полуостров, Донбасс, Нижнее Поволжье, Северо-Западная Сибирь... Выходило на поверхность все, что раньше

было под запретом. Поворотным моментом в жизни стала встреча и совместная работа с Мариэттой Чудаковой после выхода ее «Жизнеописания Михаила Булгакова» и Сарой Владимировной Житомирской, четверть века возглавлявшей отдел рукописей Ленинской библиотеки. Именно эти две выдающиеся женщины ввели меня в огромный сложный мир архивов и библиотек. Благодаря им я познакомился и общался со всеми булгаковедами мира.

Мне первому посчастливилось сделать большой материал (на целую полосу) с Д.С. Лихачевым. Шел 1989 год, мы отдыхали с семьей в Комарове, рядом с дачей Дмитрия Сергеевича. И я, ни с кем не согласовывая, нарушая этим редакционные нормы, пошел к нему и сказал: я корреспондент «ЛГ», хочу взять у вас большое интервью. Поговорив со мной некоторое время, он согласился. Я умирал от страха: как это я, «молодой никто», войду к великому академику? К этому интервью я особенно тщательно готовился, потом мы с Дмитрием Сергеевичем несколько вечеров общались, и я понял, что ко мне относятся всерьез... Ночами я расшифровывал тексты беседы, редактировал, приносил ему, и мы вместе продолжали над ними работать. Не раз потом я встречался с Дмитрием Сергеевичем в Москве, передавал через него важные коллективные письма ученых и другие документы для М.С. Горбачева. Шла перестройка, мы боролись за библиотеки. Я начал критиковать Министерство культуры, и люди из ЦК КПСС не раз пытались запрещать мои статьи. Дмитрий Сергеевич помогал. По его совету я первым сделал большое интервью с директором Библиотеки Конгресса США Джеймсом Биллингтоном, который через несколько лет стал кумиром российских библиотечкарей. Под конец моей журналистской карьеры у меня в газете была уже привилегия делать большие публикации с только что назначенными министрами культуры: Николаем Губенко и Евгением Сидоровым.

– С. З.: Судьба сложилась так, что основной стала библиотечная деятельность и проблемы архивов?

– Е. К.: Я всегда был убежден, и чем дальше, тем больше, что библиотеки и архивы – это основа культуры, образования, науки. Важно, чтобы в библиотеках было все, что нужно людям, и чтобы все было доступно, чтобы люди могли туда свободно приходить, читать, обсуждать, анализировать.

В библиотечно-архивных кругах меня приветствовали как человека, который всерьез и последовательно начал писать на эти темы. Мои статьи читали не просто многие: тираж «Литературки» составлял шесть миллионов экземпляров! В то время журналистика была действенной, честной, без подтасовок и манипуляций. Такого времени она не переживала больше нигде и никогда. Другое дело, что мы слабо понимали ход истории и даже не подозревали, куда все это может прийти.

Осень 1991 года я провел в Америке по приглашению Джеймса Биллингтона. Жил в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго, проехал по всему Иллинойсу; познакомился с огромным количеством американских библиотек, их руководителями, ректорами университетов, местным начальством, философами, писателями. В Библиотеке Конгресса, в день присуждения Иосифу Бродскому звания поэта-лауреата США, я сидел за одним столом вместе с ним, Биллингтоном, четырьмя нобелевскими лауреатами. Меня, журналиста, который пишет о том, каким должно быть библиотечное дело в СССР, всерьез воспринимали и в моей стране, и в Америке. Можно ли сейчас такое представить?

– С. З.: В 1992 году Вы пришли в Министерство культуры, и библиотечная деятельность стала, по сути, основной для Вас...

– Е. К.: Возглавить отдел библиотек в Минкультуры меня пригласили тогдашний министр Евгений Сидоров и его заместитель Татьяна Никитина. Я ни одной секунды не колебался, потому что считал, что библиотеки – это важнейшее колоссальное поле, которое нужно возделывать, и я хочу этому посвятить жизнь. И 13 лет я там отработал на одном дыхании, в абсолютной творческой свободе. При этом свободу я не отделяю от строгой дисциплины и самодисциплины – к этому меня приучила «Литгазета», развив при этом еще и борцовские качества. В результате мне удалось создать в Министерстве культуры РФ замечательный отдел библиотек из потрясающих специалистов, каждый из которых фонтанировал идеями и проектами, был непререкаемым авторитетом в своей области и был предан работе.

– С. З.: Евгений Иванович, 13 лет – это большой период. Какими достижениями на этом посту Вы особенно горди-

Сотрудники знаменитого на весь мир отдела библиотек Министерства культуры РФ (1992–2013)

тесть? Вы обладаете колоссальными научными знаниями и практическим опытом в сфере библиотечного дела. Как Вы оцениваете значение и будущее библиотек в современном мире, каковы перспективы развития библиотечного дела в России?

– Е. К.: В 90-е годы, когда все вокруг разваливалось, нам удалось сохранить библиотеки как систему, как социальный институт. К нам приходили люди из высоких кабинетов и склоняли нас к тому, чтобы библиотеки приватизировать. Мы их не просто сохранили – мы поставили их на рельсы модернизации в русле самых передовых тенденций, создав для этого совершенно новую нормативно-правовую базу и целую инфраструктуру из общесистемных проектов, программ и профессиональных коммуникаций. Мы разработали и реализовали передовую государственную библиотечную политику. В министерствах постсоветских стран переписывали наши документы.

Когда я говорю «мы», я имею в виду не только отдел библиотек, но и изумительных людей из других министерских отделов, которые нам очень помогали, учили нас азам чисто управленческой и бюрократической работы. Я имею в виду также и руководителей крупных библиотек и ключевых отделов этих библиотек – не только наших подведомственных федеральных, но и региональных, вузовских, научно-технических, сель-

скохозяйственных, медицинских, музыкальных... Мы жили с ними одной жизнью. Они вдохновляли нас, и мы вдохновляли их. Для меня Министерство было одновременно и потрясающей школой, и творческой лабораторией, и родным домом, и интеллектуальным штабом боевых действий. Каждый день в отдел к нам приходили десятки людей со всей страны и всего мира. Это было обыкновенное чудо. Я работал при пяти министрах, и трем из них я особенно благодарен – Евгению Сидорову, Наталье Дементьевой, Михаилу Швыдкому, при которых в Министерстве была атмосфера творчества и свободы, но при этом еще и колоссальной ответственности каждого работника за конечный результат. Те, кто сегодня работает в Минкульте, даже представить себе этого не могут. Там сейчас атмосфера казармы. Там нет сегодня преданных этому сложному делу профессионалов. Библиотечное дело ведь находится на стыке творчества и индустрии, на стыке культуры и науки, книжной культуры и технологий. Перспективы развития российских библиотек сейчас снова туманны. За них снова, как и в 90-е годы, предстоит серьезная борьба. Очень опасна тенденция тотальной замены традиционных книг электронными копиями, а самих библиотек – точками доступа к информации и переделывания библиотек в клубы. Это путь в никуда.

– С. З.: **В начале 1990-х годов Вы стояли у истоков создания РБА и активно содействовали ее становлению, организации и проведению ежегодных генеральных конференций РБА. Сегодня Вы выдвигаетесь на пост президента РБА. Почему Вы приняли это решение, и что этот пост для Вас значит?**

– Е. К.: Хочу вернуться в самую гущу событий, чтобы помочь библиотекам и библиотечным работникам, наладить их взаимодействие с издательствами и книготорговыми структурами, восстановить разрушенные за последние годы структуры и направления, разработать вместе с очень уважаемыми мною коллегами новую Стратегию развития библиотечного дела и в библиотечной политике и библиотечной идеологии все снова поставить с головы на ноги. Хочу получить доступ к высоким трибунам и начать оттуда говорить о том, что думаю: что без хороших современных библиотек, которые, перефразируя Борхеса, похожи на рай и в которых хочется проводить много времени, не будет России, тоже похожей на рай или просто благополучной страны.

– С. З.: **Евгений Иванович, Вы руководили разработкой Национальной программы поддержки и развития чтения (2006), концепции Государственной программы поддержки детского и юношеского чтения (2016), все эти годы активно занимаетесь продвижением чтения. Какие сегодня приоритетные направления в деле продвижения чтения, как меняются подходы в эпоху интернета?**

– Е. К.: Об этом много говорилось и говорится, в том числе и на страницах Вашего журнала. Главное – это готовить профессионалов, которые сами с увлечением и знанием дела будут работать в школах, библиотеках, в СМИ, в издательствах и книжной торговле (пяти основных институтах поддержки чтения), с родителями, с учениками, школьными учителями, самими библиотекарями, с представителями органами власти и управления. Приоритетной сегодня задачей в сфере чтения – так решило профессиональное сообщество, но пока это еще не утверждено правительством – становится поддержка чтения и приобщения к письменной культуре детей, подростков и юношества. Что касается влияния интернета, то я как человек с интернет-зави-

Ирина Бокова, генеральный директор ЮНЕСКО (2013 год)

Хочу особо поблагодарить Евгения Кузьмина, председателя Межправительственного совета и Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», за неустанную деятельность по развитию и усилению этой программы ЮНЕСКО и за поддержку, оказываемую государствам – членам ЮНЕСКО в формировании концепций политики построения

справедливых плюралистических обществ знания и наращивания потенциала для ее реализации.

Созданный Е. Кузьминым Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» был и остается первым в мире во всех отношениях.

симостью убежден, что интернет не столько помогает, сколько мешает развитию мышления и интереса к чтению книг. Сегодня об этом во всем мире говорят всё больше и больше, хотя это противоречит данным т. н. независимых (на самом деле – заказанных IT-компаниями) опросов и псевдоисследований.

Круг чтения и духовные ориентиры

– **С. З.: Евгений Иванович, какие авторы, книги стали духовными ориентирами в жизни?**

– **Е. К.:** Каждая прочитанная книга тебя изменяет. Главным ориентиром, конечно, была великая русская классика – Пушкин, Лермонтов, далее и перечислять не стоит. Абсолютная глыба – Лев Толстой. Недавно мы с женой во время отпуска перечитали «Войну и мир», она в пятый раз, я в четвертый. И это оказались и совершенно потрясающий отпуск, возможно, лучший из всех, и совершенно другой роман, с такими глубинами, о которых мы прежде даже не подозревали. Магическое произведение!

Лев Толстой для меня – главный писатель XIX века в мире. «Война и мир», «Анна Каренина» – это что-то, не имеющее аналогов в мировой литературе по глубине, охвату, масштабу, проникновению в душу человека, раздумьям о жизни, судьбе, истории, мире, Боге... Кто может сравниться с Толстым по невероятному психологизму и по масштабу? Для меня это только один человек – Лион Фейхтвангер. Только что закончил перечитывать его трилогию об Иосифе Флавии – «Иудейская война», «Сыновья», «Настанет день». С этим в литературе

XX века я тоже ничего не могу сравнить! Фейхтвангера можно перечитывать так же, как Толстого, по многу раз, всецело и с благодарностью погружаясь в его мир, кстати, очень близкий русскому духовному мировосприятию.

От художественной литературы я жду не только эстетического или филологического удовольствия, но прежде всего соприкосновения с чьим-то очень богатым духовным, душевным и интеллектуальным опытом, если угодно – учительства, наставничества.

– **С. З.: Если в литературе – Толстой, то кто в музыке, живописи для Вас духовный ориентир?**

– **Е. К.:** Россия, Германия, Франция, отчасти Англия и Испания – вот всего пять стран, которые создали великую литературу. Русская литература абсолютно универсальна. Точно так же обстоит дело и в музыке – мы один из четырех народов, создавших богатейшую музыку, имеющую непреходящее общемировое звучание: Россия, Германия, Франция и Италия.

Я бы говорил не столько про ориентиры и про любимых композиторов, сколько про произведения, которые слушал в жизни десятки и сотни раз и готов их слушать всегда. Очень люблю оперу, особенно Верди, Беллини и Доницетти. Из итальянских опер могу от начала до конца подпеть «Аиду», «Травиату», «Риголетто», «Трубадур», «Норму», «Лючию ди Ламмермур», из русских – «Пиковую даму» и «Евгения Онегина». Когда занимался музыкой, переиграл весь клavier «Кармен» Бизе. Обожаю певцов золотого века оперного исполнительства (с середины 50-х до середины 80-х годов прошлого века), когда в расцвете были великие Мария Каллас, Рената Тебальди, Мирелла Френи, Монсеррат Кабалье, Николай Гяуров, Плачидо Доминго, наши Ирина Архипова, Галина Вишневская, Елена Образцова, Владимир Атлантов... Я поклонник великой классической музыки всех жанров. Готов подолгу слушать все симфонии, концерты и сонаты Бетховена, всего Шопена и Шумана, множество произведений русских композиторов – Чайковского, Мусоргского, Глинки, Римского-Корсакова, Рахманинова, Шостаковича. Если предложат взять с собой на Луну единственное произведение, это будет «Реквием» Верди.

У нас потрясающая камерная вокальная музыка (она, кстати, есть только у нас и у немцев), изумительная народная песенная культура, духовная музыка. Советская военная песня – вообще фантастическое явление мировой культуры.

Люблю народные песни очень многих народов. И эстраду тоже люблю, но не сегодняшнюю, а настоящую, какой она была примерно до середины 80-х годов, – как советскую, так и зарубежную.

Из поздравления министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2012 год)

Уважаемый Евгений Иванович!

Поздравляю Вас с переизбранием на пост председателя Межправительственного совета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех».

Единогласная поддержка, выраженная Вам членами Совета, безоговорочно свидетельствует о признании Ваших личных заслуг в возрождении Программы и выведении ее на качественно новый уровень. Показателем существенных сдвигов в программной деятельности стали, в частности, инициативные Вами крупные международные конференции и фундаментальные документы по основным приоритетам Программы.

Генеральный директор ЮНЕСКО К. Мацуура – В. В. Путину (2005 год)

Уважаемый Господин Президент!

Позвольте выразить искреннюю признательность за Вашу поддержку в организации в Санкт-Петербурге Международной конференции «ЮНЕСКО между двумя этапами Всемирного саммита по информационному обществу». Примите мои поздравления по случаю этого знаменательного и получившего широкий резонанс события.

Я хотел бы отметить вклад в подготовку и проведение конференции председателя Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» Евгения Кузьмина, которому принадлежит эта инициатива.

Любимые зарубежные художники – Рембрандт, Вермеер Делфтский, Эль Греко, Гойя, Гоген, Ван Гог. Любимые русские – Крамской, Серов, Врубель. Зарубежная живопись XX века вышла из нашего авангарда. У русской иконописи нет аналогов по духовной глубине и прозрению.

– **С. З.:** *Какие идеи, темы Вас сегодня занимают?*

– **Е. К.:** Самое главное, самое острое переживание для меня, помимо детей и внуков, – это Россия. Сохранение России в ее нынешних границах, сохранение ее суверенитета. Важно не дать демонизировать роль России в мировой истории, особенно в истории XX века. В конечном итоге наш социализм был реализацией идеалов русских великих писателей, религиозного мировоззрения, поэтому он и был привлекателен для половины мира. Справедливость – наш идеал, и нигде в мире это так остро не ощущается.

Важно сохранить Россию и вырастить поколение людей, которое понимало бы ценности русской литературы, культуры, искусства, особенности русского православия с его совестливостью.

В нашей части мира, на этих огромных пространствах, с тяжелейшим климатом, в результате смещения огромного количества народов свершилось нечто такое, что стало совершенно особой цивилизацией. Огромное количество моих поездок по миру и по стране сформировали у меня убежденность в том, что мы не похожи и никогда не будем похожи на западный мир – и не должны к этому стремиться. Все хорошее внешнее, что там есть, мы уже взяли. Не надо нам больше перенимать ни их общественные, ни их производственные отношения, ни законодательство.

Я побывал в 40 странах мира, и мне везде нравится. Мне кажется, что я мог бы жить везде. Но больше всего я люблю нашу страну, которую я много раз проехал от Калининграда до Сахалина, от Мурманска до Владикавказа. Я побывал в 67 регионах России, и повсюду у меня есть друзья, общение с которыми дает мне энергию работать дальше и чувствовать себя уверенно.

Ориентиры государственной культурной политики должны быть направлены на воспитание, формирование у молодого поколения мысли об особом историческом пути России и особой роли России в мире и любви к ней. Мы должны не дать забыть нашу историю, огромный вклад в мировую культуру, науку, технику, воспитывая при этом в людях честность, желание отстаивать правду, стремление к справедливости, разумному устройству.

– **С. З.:** *Вы чувствуете себя счастливым человеком?*

– **Е. К.:** Абсолютного счастья нет. Когда болеют и умирают близкие люди, трудно чувствовать себя счастливым. Но в про-

фессиональном плане я чувствую, что жизнь удалась если не на сто, то на девяносто процентов. Жизнь давала мне возможность реализовывать мои интенции и, сохраняя то лучшее, что было создано до меня, создавать новое.

Меня приглашают и в стране, и за рубежом, я востребован, и это радует. В течение 17 лет я удостоен высокой чести представлять интересы России в ЮНЕСКО, и меня там слушают. В течение 6 лет я выдержал борьбу за сохранение главной программы ЮНЕСКО в сфере коммуникации и информации – Межправительственной программы «Информация для всех», которую страны НАТО хотели закрыть.

– **С. З.:** *Экзюпери писал: «Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр». Оглядываясь на весь пройденный большой путь, как Вы оцениваете сделанное Вами и какие задачи ставите перед собой сегодня?*

– **Е. К.:** В профессиональном плане еще не все доделано, не все осмыслено. Но кое-что, конечно, удалось. Надо противостоять оглуплению общества, нивелированию высокой духовной культуры, уравниванию ее с постмодернистской мишурой. Надо вести такую деятельность, чтобы у людей сохранялись способность и желание глубоко переживать великие творения мастеров прошлого, чтобы само это переживание осознавалось как ценность, чтобы люди не разучились отличать подлинное от эрзаца. Нельзя дать подлинному уйти из нашей жизни, надо всячески противодействовать унификации. Поэтому я буду продолжать заниматься библиотеками, продвижением чтения серьезной литературы, приобщением молодежи к письменной культуре, продвижением русского языка, сохранением языков как основы любой культуры и культурного разнообразия, разработкой библиотечной политики внутри страны и разработкой международной политики сохранения языков и их развития в киберпространстве, продвижением России по линии ЮНЕСКО.

Достижением в личном плане считаю то, что научился не унывать. Потерпел поражение – проспал ночь и завтра снова иди вперед. Научился ценить людей и стараюсь быть скромнее в отношениях с ними. Но это совсем не значит, что не надо указывать людям на их недостатки. Надо! Особенно любимым и близким. Но указывать так, чтобы это не травмировало их и чтобы они тебе за это в итоге были благодарны. Главное – не дать себе саморазрушиться под влиянием неблагоприятных внешних факторов. Стараться смиренно воспринимать жизнь, но не смиряться с глупостью и несправедливостью. Сохранять внутреннюю энергию, стержень, достоинство. Меняться, но не изменять себе.

**Директор Сахалинской универсальной научной
библиотеки В. А. Малышева
(2015 год)**

Работа с таким профессионалом – это ценный опыт, что является залогом успеха в любом деле. Его активное участие в деятельности по развитию и укреплению межрегиональных и международных связей давно позволило ему завоевать уважение и непререкаемый авторитет в библиотечном сообществе России и за рубежом.

**Из поздравления заместителя руководителя
Роспечати В. В. Григорьева (2015 год)**

Открытый ко всем преобразованиям, к обеспечению информационной доступности в жизни нашего общества. Один из самых энергичных и последовательных защитников создания современной библиотечно-информационной сети российских регионов. Мы благодарны Вам за плодотворное сотрудничество по продвижению Национальной программы поддержки и развития чтения, многочисленные исследования о многомерной роли информации в нашем обществе.